

Наиболее сильной стороной учения стригольников являлась критика православной церкви и ее догматов. Критика у стригольников, повидимому, достигала поразительной силы. Недаром при чтении обличительных посланий создается впечатление, что авторы их не столько обличают еретиков, сколько защищают господствующую церковь от нападок с их стороны. Положительная часть учения стригольников, те идеалы, которые они противопоставляли ложным с их точки зрения доктринам официальной церкви, разработаны гораздо слабее. И это естественно. Ересь стригольников была по существу первым на Руси идеологическим движением, направленным против господствующей феодально-церковной идеологии. И в качестве носителей новой идеологии стригольники начали с критики идеологии старой, уделяя меньше внимания разработке положительной части своего учения. Эта черта составляла особенность не только стригольничества, но и некоторых ранних еретических учений Западной Европы, сильных своей критикой и гораздо более слабых в положительной части. Эту особенность, в частности, подчеркивает Энгельс применительно к учению Абеляра: „У Абеляра главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви“.¹

Критика стригольниками православной церкви направлялась по двум линиям: по линии ее теории — отрицались важнейшие церковные догматы, — и по линии ее практики — отрицались организационные принципы и материальные основы православной церкви, подвергалась осуждению недостойная жизнь духовенства.

Один из главных пунктов критики стригольниками организационных основ православной церкви составляло осуждение „поставленья по мэде“, т. е. осуждение существовавшей в православной церкви практики, согласно которой лицо, поставляемое в духовный сан, обязано было уплачивать поставляющему особую плату — ставленические пошлины. Благодаря алчности и сребролюбию высшего духовенства эта практика превратилась по существу в симонию — продажу церковных мест. Указывая на широкое распространение поставления по мэде, на то, что лица, находящиеся на самых высших ступенях духовной иерархии, поставлены не „по достоянию“, а „по мэде“, стригольники отрицали на этом основании всю церковную иерархию. Ярый обличитель еретиков, епископ пермский Стефан, в своем „Поучении“ пишет, что стригольник „оклеветал весь вселенский събор, патриархов и митрополитов, и епископов, и игуменов, и попов, и весь чин священнический, яко не по достоянию поставляеми“.²

Однако стригольники отрицали всю духовную иерархию, как по мэде поставленную, не для того, чтобы заменить ее новой, поставленной по достоянию. Мы считаем, что слова Стефана Пермского о том, что „стриголницы ни священия имущи, ни учительского сана, сами ся поставляют учители народа“ и далее „изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьянам, и поставистеся учители народом“,³ следует понимать в том смысле, что стригольники вообще отрицали духовенство как особое сословие, членом которого можно было стать, только пройдя через поставление. Учителем, проповедником у стригольников могло быть, как мы об этом будем говорить ниже, любое лицо, обладающее соответствующими способностями и желанием. Повидимому, именно так трактовали учение стригольников в церковных кру-

¹ Ф. Энгельс. О Франции в эпоху феодализма. Архив Маркса и Энгельса, т. X, М., 1948, стр. 300.

² РИБ, VI, № 25, стр. 214.

³ Там же, стр. 215, 218.